

Советская Эстония
г. Таллин

3 АПР 41

„Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи“
(И. Сталин).

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

В. МАЯКОВСКИЙ

«Я всю свою
тебе отдаю,
звонкую силу поэта
атакующий класс».
(Маяковский).

Он не только чувствует приближение революции. Он жаждет и ждет ее, и прямо призывает к ней:

«Выньте, гулящие, руки из брюк —
Берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук
пришел чтоб и бился лбом бы!

Маяковский любил называть себя чернорабочим революции. Еще в стихотворении 1918 года «Поэт рабочий» он писал:

«Я тоже фабрика.
А если без труб,
то, может
мне без труб труднее».

На фронте революции в искусстве он первый командарм и боец. В историю русской литературы его имя вписано рядом с такими гениями как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький.

По силе революционной страсти — среди поэтов он не имеет себе равных. За короткий жизненный путь он создал и оставил после себя огромное литературное наследство. Многие его злободневные стихи не потеряли своего значения и сегодня.

Такая поэма как «Владимир Ильич Ленин» остается непревзойденным поэтическим памятником любимейшему вождю трудящихся. Смелый новатор в искусстве — Маяковский не гнушался и такой работы, как рифмованные лозунги, рекламные стихи для советских товаров. Он понимал, что и этим он служит народу, революции.

Суровый и непримиримый к врагам революции, он, как немногие, умел радоваться рождению нового в нашем советском обществе. Еще в 1921 году стихотворение «Необычайное приключение» он заканчивает жизнеутверждающе-бодрыми строчками:

«Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!»

Таким и остается он до конца своей жизни. Таким и останется он в нашей памяти.

Будучи истинно русским поэтом, Маяковский своим мировоззрением, содержанием своего творчества — пролетарский интернационалист, родоначальник новой пролетарской линии в мировой литературе.

Горячий патриот своей социалистической родины, Маяковский в то же время — близкий друг угнетенных народов капиталистических стран.

Таким и знают, и любят его, не только миллионы читателей Советского Союза, но и трудящиеся всех наций капиталистических стран.

Товарищ Сталин сказал о Маяковском, что он «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Эта сталинская оценка есть и оценка всего советского народа. Память о Маяковском останется в веках. Памятником ему, как и мечтал он, будет:

«построенный
в боях
социализма».

СТ. АНТОНИУС.

Уважаемые
товарищи потомки!
Роль
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне,
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг всды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы напризой.
Засадил садик мило,
дочка,
дача,
вот
и гладь —
«сама садик я садил
сама буду поливать».
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки
мудреватые Кудрейки —
кто их, к чорту, разберет!
Нет на прорву карантина —
манголинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-э-и-и...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния выселись
по сверам,
где харкает туберкулез,
где .... с хулиганом
да сифилис.

И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строить
романы на вас —
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирять,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой,
с живыми говора.
Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-сененный провитазь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, —
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит,
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ошупывайте их
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках-волосках
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово тяжело,

готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий,
Оружия любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
итти
под красный флаг
года труда
и дни недоодеяний.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком итти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше, —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм,
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрее протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодаревщички
не слали мебель на дом.
И кроме
свеже вымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет, —
над бандой
поэтических
врачей и выжит,
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Владимир Владимирович Маяковский родился 7(19) июля 1893 года в селении Багдади (ныне Маяковске) Кутаисской губернии в Грузии в семье лесничего и закончил свой жизненный путь 14 апреля 1930 года.

Детские годы он провел в окружении свободолюбивого грузинского народа. Друзьями детства его были дети грузинских бедняков и рабочих. Первые сильные впечатления детства Маяковского связаны с революционными событиями 1905 года. Когда рабочие Кутанси вышли на демонстрацию, с ними, стараясь шагать в ногу, шел двенадцатилетний Володя Маяковский, звонко выкрикивая слова революционной грузинской песни. Царские власти пустили против демонстрантов пьяных казаков. Юный Маяковский также попал под казачью плеть. Это было его первое революционное боевое крещение.

Прошло всего три года. И вот пятнадцатилетний юноша Маяковский — член московской большевистской организации. Не по летам развитый, он жадно читает политическую литературу, участвует в организации подпольной типографии, ведет пропаганду марксизма среди рабочих-булочников, принимает активное участие в смелом и дерзком предприятии — организации побега политкаторжанок из Новинской женской тюрьмы.

В течение двух лет он трижды подвергается аресту. На допросах ведет себя стойко и дерзко. Полиции не удается от него добиться ничего. Будучи арестован по подозрению в организации побега политкаторжанок, он подвергается заключению в одиночную камеру знаменитой Бутырской тюрьмы. В камере держат его пять месяцев до суда. На суде прокурор требует сослать его, как опасного революционера, в далекий Нарымский край. Только несовершеннолетие спасает его от ссылки.

В Маяковском рано проявился талант художника и поэта. Еще в детстве он пробовал рифмовать. Позже, в Москве, помогал сестре в рисовальных и чертежных работах. Это было еще до арестов.

В Бутырках перечитал многих поэтов. Привлекла новизна формы символистов. Не понравились содержание. Попробовал сам писать о близком, пережитом. Формы символистов оказались непригодными. Тогда начал искать новых, еще не бывших форм. Исписал целую тетрадь, но жандармы отобрали. Так и пропала.

В художественном училище, куда поступил по выходе из тюрьмы, познакомился с футуристом Бурлюком. Однажды ночью прочел ему свои стихи. Бурлюк назвал его гениальным поэтом. В автобиографии Маяковский полуиронически пишет, что в эту ночь он стал поэтом.

Революционером Маяковского сделала сама жизнь. И в литературу он вошел как революционер. Смело ломал установленные каноны, создавал свой новый поэтический язык, обогащал поэтический словарь. Эстетствующие интеллигенты встречали его улюлюканьем и свистом. Его стихи претят установившемуся «общественному вкусу». Маяковский на удары отвечает ударами. Вместе с друзьями-футуристами выпускает сборник «Пощечина общественному вкусу».

Буржуазная пресса осыпает Маяковского градом ругательства, его объявляют чуть ли не сумасшедшим. Но тут его замечает Горький. С первой встречи они полюбили друг друга. «Ясно, — заявляет Горький, — человек своеобразно чувствующий, очень талантливый и — несчастный». Горький привлекает молодого поэта — бунтаря к сотрудничеству в «Летописи», помогает издать первый сборник стихов.

Маяковский весь отдается творчеству. Он создает стихи-памфлеты обличительно-публицистического жанра как «Нате», «Вам» и лирические стихи, как «Скрипка и немножко нервно». И все это — стихи, каких не было раньше. В них — слова, впервые введенные в поэтический лексикон. Это слова, подслушанные на улице, взятые у человеческой толпы. Маяковский и заявляет себя глашатаям улицы, потом толпы, новым апостолом. Он пишет замечательную поэму, которую так и называет: «Тринадцатый апостол». Цензура не разрешает к печати. Наконец, в сильно искаженном виде, поэма выходит под названием «Облако в штанах».

В этой поэме, писанной в 1915 году, поэт пророчески заявляет: «в терновом венце революций грядет шестнадцатый год».

Поэт готов душу свою выгнать, растоптать, и окровавленную дать восставшим как знамя.

В предсказании революции он ошибся лишь на немного. В начале 1917 года революция разразилась. Самодержавие оказалось свергнутым. Вместе с большевиками поэт идет к новой революции, той, которая свергнет буржуазное правительство и установит диктатуру пролетариата. В стихах этого периода Маяковский пропагандирует лозунги большевистской партии. За стихотворение «К ответу», он подвергся грязным нападениям меньшевистской газетки «Единство».

Октябрь поэт принимает всем сердцем, всей душой. «Моя революция», говорит он об Октябре. И весь отдается служению революции.

С его двусиением:
«Ешь ананасы
рябчиков жуй!
День твой последний
приходит,
буржуй!»

матросы, как с песней, шли штурмовать Зимний дворец.

Он пишет боевые марши-песни, он создает первую советскую пьесу. Он снова берет в руки кисть художника, рисует плакаты, пишет к рисункам стихотворные тексты — так возникают знаменитые «Окна сатиры РОСТА» — первые советские революционные плакаты огромной агитационной силы.

В годы новой экономической политики Маяковский не оставляет своего революционного поста. Он идет в газеты и стихами-фельетонами громит нэпачей, бюрократов, мещан-обывателей, всю нечисть и гниль, всю грязную накипь, оставшуюся от прошлого и снова всплывшую на поверхность. Эстетствующие интеллигенты, вкуче с агентами троцкистов в литературе, всеми мерами травят поэта, преследуют его. Маяковский не отступает. Дерзкою отповедью на диспуте, метким и гневным стихом он смертельно разит своих врагов, ибо видит в них и врагов революции. С полным основанием он заявляет:

«Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой
отъявленный и давний».

Против этого врага и направляет он «жерла зияющих заглавий», «кавалерию острот», «рифм отточенные пики» своих стихов, поэм, пьес. С полным правом называет он свои произведения партийными книжками, ибо каждым словом и каждым стихом служил он делу партии, делу коммунизма.